

ГЕОПОЛИТИКА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В XIX в.: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

И.В. Зеленева
(Россия, г. Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена исследованию внешней политики России на Кавказе в XIX в. с геополитической (пространственно-политической) и геостратегических точек зрения. Весь XIX в. проходил под знаком поиска Россией способа разрешения сложного узла кавказских геополитических проблем. Формирование российского геополитического треугольника – «триморья», вершиной которого был Санкт-Петербург на Балтике, а основание покоилось на прочных позициях России на Черном и Каспийском морях, зависело от «кавказского основания» – моста, связывавшего Каспийское и Черное моря в единую геостратегическую систему.

Ключевые слова: геополитика и геостратегия, внешняя политика России на Кавказе, кавказская война.

This article analyses Russian foreign policy in the Caucasus during the 19th century from the geopolitical (spatial-political) and geostrategic points of view. Through the whole 19th century Russia was struggling to find a way of solving the complex geopolitical set of problems in the Caucasus. The already formed apex of the Russian geopolitical triangle, “trimorye” (from the Russian “three seas space”), situated in St. Petersburg on the Baltic sea, required the so called “Caucasian triangle base”. The “trimorye” system as a whole depended on the strong position of the Russian Empire on the Black and Caspian seas, where the “Caucasian triangle base” was to be the bridge linking the two seas into the common geostrategic system.

Key words: Geopolitical Paradigm, Geostrategy of Russia, Russian Foreign Policy in the Caucasus, Caucasian War.

Геополитика и геостратегия – родственные понятия. В современной публицистике и научных трудах они используются достаточно часто, однако их содержание до сих пор вызывает споры. Поэтому исследовательская этика требует начать с пояснения того, что же в нашем понимании означают понятия «геополитика» и «геостратегия» и каково их соотношение друг с другом. Старейшее определение геополитики дал «изобретатель» этого термина Рудольф Челлен (1846–1922 гг.). По его словам, геополитика – это *учение о государстве как географическом организме, существующем в пространстве* (1910 г.) [1, с. 4]. Не претендуя на последнее слово в дискуссии, все же рискнем предложить собственное определение геополитики как *области знания, которая использует пространственный подход при анализе политических процессов.*

Геостратегия начинает формироваться в конце XX в. как новый этап политического мышления, не допускающий силовых методов в качестве инструмента решения межгосударственных проблем. Геостратегия постулирует отход от свойственного геополитике государственного эгоизма в пользу регионального и планетарного сотрудничества на основе общих политических, экономических, социальных и духовных ценностей. Несмотря на то, что геополитика как область знания появляется в начале XX в., а геостратегия лишь в конце XX в., элементы геополитического и геостратегического подходов во внешней политике России появляются гораздо раньше [4].

В середине XIX в. на смену так называемому «европейскому равновесию» и либеральным идеям приходила новая эпоха больших союзов и коалиций. Глобализация экономики, имперские амбиции, гегемонизм привели к серьезным изменениям в системе международных отношений, изменили структуру мира, вовлекли в сферу европейской политики страны и территории Азии, Африки и Латинской Америки.

Соперничество великих держав распространялось и на Балканы, и на Восточную Европу, на область Черноморских проливов, и на Кавказ.

В XIX в. интенсивно шел процесс формирования многонационального Российского государства и его границ, расширялись зарубежные политические, экономические, культурные связи России. Внешняя политика, являясь частью государственной политики, была неразрывно связана с внутренней политикой государства. Внутривнутриполитические изменения в России, прежде всего в сфере государственного управления, сопровождались интенсивным расширением ее границ.

Кавказ в международно-геополитической системе – один из важнейших стратегических регионов мира, отделяющий Восточную Европу от азиатских степей, православие от ислама. Это – буфер, существовавший между Византийской, Османской, Персидской и Российской империями. Находясь на стыке Европы и Азии, Кавказ для России представляет собой плацдарм для освоения Среднего и Ближнего Востока, а также бассейнов Черного, Каспийского и Средиземного морей. Одновременно он является, по образному выражению русского военного историка Р.А. Фадеева, «и мостом, переброшенным с русского берега в сердце азиатского материка, и стеной, которой заставлена средняя Азия от враждебного влияния» [7, с. 28]. Добавим от себя, что кавказский регион – это своеобразная «переносица» для черноморско-каспийских «очков», без которой региональная система «двуморья» лишается связующего звена, а, следовательно, – целостности, геополитической гармонии.

Кавказ всегда был и остается сложным регионом не только по разнообразию естественно-географических условий, но и по многонациональному и поликонфессиональному составу населения. Несмотря на разнородный состав населения отношения между соседними кавказскими народами носили, по большей части, мирный характер. Возникшие конфликтные ситуации имели, как правило, частные причины и носили локальный характер. Мирному сосуществованию народов, как полагает современный кавказовед С.Х. Хотко, способствовало совместное природопользование, совместная борьба с иноземными захватчиками. Народы Кавказа умели ценить дружбу и тщательно соблюдали заключенные договоры [8, с. 354]. Весь этот комплекс особенностей региона отразился в исторических судьбах народов и стран Кавказа.

Кавказ издавна играл значительную роль в политике России. Давние торговые, культурные связи Российской империи дополнялись установлением политических связей. Ключевую роль во взаимовыгодных отношениях и связях играл так называемый Великий шелковый путь, который шел из Китая через Северный Иран, Закавказье и Северный Кавказ в Византию и другие страны Европы. Через территорию Кавказа проходил ряд военно-стратегических и торговых путей, которые имели важное экономическое и политическое значение (например, участок Волжско-Астраханского пути).

Южная граница России складывалась не только во время войн, но и в мирное время, когда отдельные правители Закавказья добровольно просили русское правительство взять их под свое покровительство. До XVIII в. четко определенной, зафиксированной границы между Россией и Ираном не существовало. Периодически возникали споры о принадлежности отдельных территорий и населенных пунктов той или иной стороне.

Расширяя государственную территорию, укрепляя экономическое положение и центральную государственную власть сначала Москвы (затем Санкт-Петербурга) Россия начинает проявлять все большую активность на Кавказе, но предпочитает действовать продуманно и осторожно, избегая открытых столкновений с Ираном и Османской империей. Эта политика объясняется тем, что основным направлением внешней политики России являлось западное. Недостаточный экономический потенциал страны сковывал российскую инициативу на Кавказе. И пока Россия не стала располагать достаточными военными средствами, она стремилась укреплять свое влияние в кавказском регионе через местные политические и социальные элиты.

С конца XVIII в. российское правительство все решительнее отходит от стратегии создания на Кавказе «буферных государств» под своим протекторатом и делает упор в своей политике на расширение территориальных владений, прямо говоря, на

завоевание Кавказа. Активизация России в этом регионе объяснялась следующими обстоятельствами: стремлением царизма распространения вширь феодальных отношений, к приобретению на окраинах новых рынков сбыта и сырья, к стабильным границам, а также к упрочению своего влияния на государства Ближнего и Среднего Востока. Российский император Александр I понимал важность Кавказа как военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. В это же время структура международных отношений на Кавказе, создаваемая при активном участии России, значительно осложняется вмешательством Англии и Франции. Обе эти европейские державы, находясь в состоянии острой конкуренции друг с другом, наперебой обещали иранскому шаху и османскому султану поддержать их территориальные и политические притязания на Кавказе в обмен на соблюдение соответствующих обязательств в свою пользу, но против страны-конкурента. Поскольку значительная часть Кавказа уже стала сферой интересов и влияния России, интенсивность политики Англии и Франции теперь зависела от русско-английских и русско-французских отношений.

Превращение Кавказа в предмет спора и торга между великими европейскими державами – выдвигает кавказскую проблему в число международных. Практически весь XIX в. проходит под знаком поиска Россией способа разрешения сложного узла кавказских геостратегических проблем. Отметим впечатляющие успехи России в Закавказье. Две войны с Ираном (1804–1813 гг.; 1826–1828 гг.) и две войны с Турцией (1806–1812 гг.; 1828–1829 гг.) закрепили за Россией практически всю территорию Кавказа. В процессе закрепления Закавказья за Россией вслед за военными активное участие приняли дипломаты, администраторы, коммерсанты. Современный исследователь кавказской проблемы В. Дегоев пишет, что русская политика в Закавказье отличалась прагматичным разнообразием, строилась на учете конкретной ситуации, а отнюдь не на каком-то едином стереотипе. В целом население Закавказья восприняло приход России без враждебности, хотя и по-разному: армяне с восторгом, грузины с умеренной благожелательностью, азербайджанцы почти безразлично [2, с. 311].

Гораздо сложнее обстояли дела на Северном Кавказе, где консолидированные, политически управляемые, этносы отсутствовали. В северокавказском регионе Россия столкнулась с огромным количеством никому не подчинившихся разрозненных патриархально-родовых обществ, которые имели различные языковые и этнические особенности, исповедовали разные религии, находились на неодинаковых ступенях социальной организации, были совершенно непривычны к государственным формам политического управления. Опора на местные политические элиты, принесшая блистательные успехи в Закавказье (вспомним сотни грузинских князей на царской службе), на Северном Кавказе оказалась не эффективной. Местные патриархальные лидеры умело разыгрывали «русскую карту» в политической борьбе со своими политическими противниками, но сами не спешили проявлять лояльность к завоевателям. У русской политической элиты, военной и гражданской, складывалось ложное представление о том, что решение проблем в Закавказье автоматически приведет к умиротворению и северо-кавказских этносов. Геостратегический просчет состоял в том, что кавказский пояс рассматривался как второстепенный по отношению к территориальному массиву Закавказья. Много позже стало понятно, что «веер» Закавказья можно было удержать только «за ручку» Северного Кавказа, центральной стратегической точкой которого был район чеченских предгорий, и примыкавшие к ним прибрежные зоны Черного и Каспийского морей.

Кавказская война проходила в царствование трех российских императоров – Александра I, Николая I и Александра II. Внешняя политика Российской империи всегда была элитарной, закрытой, поэтому необходимо остановиться на взглядах и убеждениях людей, которым принадлежало первое и окончательное слово в военной и административной политике России на Кавказе. Александр I, человек европейской ориентации, либеральный, склонный к дипломатии, был в нее втянут в полной мере как освободитель Европы от Наполеона и последующий вершитель судеб европейских монархий. Поэтому Кавказская война для него была второстепенным вопросом.

Загадочный характер «сфинкса» (речь идет об Александре I) проявился в этой войне на Северном Кавказе в полной мере. С одной стороны Александр I назначил и держал на посту фактического наместника Кавказа генерала А.П. Ермолова (1816–1826 гг.), известного не только своей воинской доблестью, но и бескомпромиссностью, а с другой стороны он протестовал против жестоких расправ с горским населением. Сохранилось письмо Александра I генералу А.П. Ермолову от 29 сентября 1825 г., в котором он порицает его «за истребление более 300 семейств, из коих, конечно, часть была женщин и детей, невинных и верно не участвовавших в защите» [7, с. 84].

Современные исследователи объясняют феномен Кавказской войны межцивилизационными различиями, острым межрелигиозным конфликтом, факторами внешнеполитического характера, местной социальной спецификой. Однако с геостратегической точки зрения, важнейшей причиной российских неудач на Северном Кавказе была неэффективная система государственного управления (public administration). Как ни странно, но этому аспекту российской политики на Кавказе в современных кавказоведческих работах уделено очень мало внимания. Вопрос же столкновения двух политических культур, двух моделей политического сосуществования, двух типов политической лояльности, наконец, двух механизмов легитимации политической власти – европейско-христианского (российского) и исламского – приближает к пониманию трагической неадекватности со стороны России политики на Северном Кавказе. До сегодняшнего дня во многих архивах стран Ближнего Востока бережно хранятся письма исламских вождей антирусской войны. Уже тогда российский геополитический «прорыв» на Кавказе рассматривался мусульманским миром как угроза его цивилизационным интересам. Перманентное состояние политической напряженности в отношениях России с мусульманскими Турцией и Ираном усугубляли это впечатление.

К началу 1830-х гг. общая геополитическая ситуация на Кавказе существенно изменяется. Новые южные российские границы открывали России потенциальную возможность выхода к Персидскому заливу, Индии, Восточному Средиземноморью и Центральной (Средней) Азии. Фактически территориальное расширение России на юг соответствовало унаследованной еще от петровского времени российской геополитической парадигме. Речь идет о транспортно-коммуникационном треугольнике – «триморье» – Балтийское, Черное и Каспийское моря, связанные системой речных и трактовых путей, в которую включались локальные реко-морские системы (Беломорье, Азовское море и др.) [1, с. 24–29].

Стабильность российского геополитического треугольника – «триморья», вершиной которого был Санкт-Петербург на Балтике, а основание покоилось на прочных позициях России на Черном и Каспийском морях, зависело от «кавказского основания» – моста, связывавшего Каспийское и Черное моря в единую геополитическую систему. Англия и Франция – два главных конкурента России – прекрасно уловили эту особенность российского геополитического организма, всячески способствуя тому, чтобы ослабить российские позиции в этом регионе.

Однако в первой половине XIX в. фортуна России не изменяла. Владение Кавказом отдало в ее распоряжение восточную акваторию Черного моря, практически весь Каспий, и открыло путь для продвижения в Центральную (Среднюю) Азию. Потеряв Кавказ, из политической борьбы в регионе выпал Иран. По договору 1828 г., в подготовке которого принимал активное участие А.С. Грибоедов, между Россией и Ираном устанавливалась граница по реке Аракс. Было достигнуто вековое стремление России иметь естественную границу с Ираном. Русско-иранская граница на Кавказе в том виде, как она была определена демаркационной комиссией, просуществовала до 1991 г. По договору 1828 г. Иран обязывался выплатить России контрибуцию в размере 20 млн рублей, а Каспийское море было открыто как для русских, так и иранских торговых судов. Подтверждалось также исключительное право России держать в Каспийском море военный флот. Трагическая гибель в 1829 г. главы российской дипломатической миссии в Иране А.С. Грибоедова, который был растерзан фанатиками в стенах российской дипломатической миссии в Тегеране – это отражение от-

чаяния иранской политической верхушки, бессильной изменить сложившуюся не в ее пользу политическую ситуацию.

Попытки Турции удержать стремительное наступление России в направлении Средиземного моря и Персидского залива также не отличались эффективностью. В современной исторической литературе есть сведения о том, что Николай I планировал использовать Кавказ и Закавказье для продвижения российских войск вдоль ирано-турецкой границы с целью выхода к Персидскому заливу. Существуют косвенные сведения о планах России захватить Мекку и Медину с целью лишить османских султанов легитимной власти [3, с. 56].

Подобный оборот событий крайне встревожил Англию, опасавшуюся дальнейшей экспансии России на юг и юго-восток, осознававшую реальность русской угрозы в отношении Индии. Именно в Кавказском вопросе Лондон видел болевую точку России в южном сегменте ее геополитической системы. Во второй трети XIX в. Англия наращивает политические усилия по сдерживанию России на Кавказе. Благоприятные возможности для антироссийской политики Англии в этом регионе открывала Кавказская война, сковывавшая силы России и ослаблявшая ее наступательный потенциал. В 1930-е гг. помощь британских агентов горцам на Кавказе стала носить столь активный характер, что это едва не привело Англию к вооруженному конфликту с Россией. От Англии не отставала и Франция. Сохранился примечательный документ, раскрывающий характер и методы борьбы Франции против России в кавказском регионе. Речь идет о записках А. Фонвилля – французского военного советника, участвовавшего на стороне горцев в финальном этапе Кавказской войны (1863–1864 гг.) [8].

Геополитические противоречия между Россией с одной стороны, Англией и Францией – с другой, все же привели к войне. Крымская война (1853–1856 гг.) имела одной из причин стремление Лондона вновь восстановить Кавказ в качестве буфера между Россией и мусульманскими державами. Основные участники войны (Англия, Франция, Турция), образовав коалицию, развернули против России боевые действия на нескольких фронтах (Балканы, Крым, Балтика, Белое море, Дальний Восток и собственно Кавказ). Кавказ был одним из важнейших и удачных театров военных действий. Кавказская кампания 1855 г. завершилась крупным успехом русских. В ноябре после четырехмесячной осады сдалась сильная турецкая крепость Карс. Этой героической операцией командовал генерал Н.Н. Муравьев.

Завершать Кавказскую войну довелось императору Александру II, значительно менее решительно, чем его отец. Справиться с поставленной задачей императору помогли не столько его особенные стратегические способности, и даже не военный талант исполнителей его воли, а в первую очередь многовековые усилия русского населения и военных по освоению территории Северного Кавказа и приграничных российских земель.

Заслуживает внимание и факт острых англо-французских противоречий, не дававших главным врагам России последовательно выступать против нее единым фронтом. Не будет преувеличением сказать, что от потери Кавказа Россию спасли не только штыки и пушки русской армии, но и вражда в стане ее врагов. Франция не видела смысла в том, чтобы передавать российские владения на Кавказе англичанам и тем самым усиливать британские позиции в регионе Ближнего и Среднего Востока. Под влиянием французской позиции Парижский конгресс 1856 г., носивший характер всеевропейской конференции, закрепил принадлежность Кавказа за Россией. Парижский трактат, имевший сокрушительные последствия для российской обороноспособности на Черном море и ее дипломатического престижа в целом, дал России, по крайней мере, одно преимущество: оказал положительное влияние на российские геополитические позиции на Кавказе и создал условия для завершения Кавказской войны. События 1864 г. (разгром горской армии Шамиля и его пленение) обусловили превращение Кавказа в неотъемлемую часть Российской империи. За схематизмом изложения политической истории об этом важнейшем российском дипломатическом и геостратегическом достижении 1856 г. часто умалчивается, или ему попросту не придают должного значения, тогда как в долгосрочном плане именно оно сделало

Россию геостратегическим субъектом мирового значения. Справедливости ради отметим, что на фоне, в общем, провальных итогов Крымской войны, которую сам ее инициатор император Николай I (не доживший до конца войны) считал проигранной и ушел из жизни с чувством горечи за содеянное, заметить «кавказский прорыв» России было непросто. Тем более, что геостратегические преимущества этого «прорыва» сказывались постепенно и много позже, когда Россия к концу XIX в. из региональной превратилась в мировую державу.

Завершающий период присоединения кавказских земель был окрашен жесткой борьбой за геополитическое господство в Центральной Азии между Россией и Англией. Этапной на этом пути стала победа России над Османской империей в войне 1877–1878 гг. Победа России обеспечила ей приобретение Аджарии, Карского, Ардаганского пашалыков, усилила позиции России на Черном море. Продвижение российских границ в южном направлении на Кавказе и Средней Азии привели к установлению геостратегического баланса сил между Россией и Англией в этом регионе.

В 1870–1880-х гг. между Россией и Англией были заключены соглашения о разделе сфер влияния в Иране, в районе, непосредственно прилегавшем к российским владениям на Кавказе [5, с. 262–263]. Новым стимулом к усилению геополитической борьбы за Кавказ между европейскими державами, включая Россию, стало открытие в прикаспийских землях и на Каспийском шельфе значительных месторождений нефти. Во многом по этой причине поражение России в Первой мировой войне и вызванная этим волна революционных событий 1917 г. разрушила хрупкую структуру геополитического равновесия на Кавказе. В период гражданской войны произошла беспрецедентная «интернационализация» кавказского вопроса: наряду с советской Россией в борьбу за «кавказское наследство» Российской империи активно включились страны Антанты – Германия и Турция [2; 6]. К числу бесспорных геополитических побед советской внешней политики 1920-х гг. следует отнести сохранение Кавказа в составе будущего СССР. Ориентация Восточного Кавказа на Турцию, Грузию – на Германию, Армении и Азербайджана – на Антанту облегчили большевикам ликвидацию независимых кавказских государств и включение их в состав Российской Федерации.

Сегодняшняя ситуация на Кавказе лишь внешне напоминает ту, которая существовала в этом регионе в начале XX в. Человечество находится в преддверии нового мироустройства. Сегодня невозможно представить каким оно будет, но можно с уверенностью сказать, что господствующей тенденцией нового мироустройства станет не обособление (геополитический подход), а интеграция (геостратегия) между государствами, этносами и отдельными народами. Кавказ, расположенный на стыке мусульманского и христианского мира, Азии и Европы, Запада и Востока, будет играть в этом процессе цивилизационную роль, давая пример удачного или неудачного подхода к решению многих глобальных проблем.

Список литературы

1. *Алексеева И. В.* Геополитика в России. Между Востоком и Западом (конец XVIII – начало XX вв.) / И. В. Алексеева, Е. И. Зеленев, В. И. Якунин. – СПб., 2001. – 304 с.
2. *Дегоев В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – М., 2001. – С. 311.
3. *Зеленев Е. И.* О геополитических интересах России на Ближнем Востоке в XVIII – первой половине XIX вв. / Е.И. Зеленев // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. – СПб., 2001. – Вып. 9. – С. 56–61.
4. *Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX вв.) / Е.И. Зеленев. – СПб., 2005. – 269 с.
5. *История Ирана* / под ред. Н. С. Иванова. – М., 1977. – 371 с.
6. *Розен Д. Г.* История Турции от победы реформ в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г. : в 2 ч. / Д. Г. Розен. – СПб., 1872. – Ч. 1. – 452 с.
7. *Россия в Кавказской войне.* – СПб., 1997. – Вып. 3. – 71 с.
8. *Фонвиль А.* Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. / А. Фонвиль. – Нальчик, 1991. – 157 с.
9. *Хотко С. Х.* История Черкесии в средние века и новое время / С. Х. Хотко. – СПб., 2001. – С. 354.